

Серия
«Антология мысли»

Вернон Ли

ИТАЛИЯ. GENIUS LOCI

Переводчик — **Е. Урениус**

Под редакцией **П. П. Муратова**

**Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2021

УДК 82-43
ББК 84
Л55

Автор:

Вернон Ли (1856—1935, Виолет Паже) — английская писательница, переводчица, автор эссе об искусстве.

Редактор:

Муратов Павел Павлович (1881—1850) — русский писатель и искусствовед, переводчик и издатель.

Вернон Ли.

Л55 Италия. Genius loci / Вернон Ли ; под редакцией П. П. Муратова ; переводчик Е. Урениус. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 197 с. — (Антология мысли). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-12530-6

Эта книга — сборник эссе и путевых заметок Вернон Ли, английской писательницы конца XIX — начала XX века, большую часть жизни прожившей в Италии. В коротких очерках Вернон Ли описывает свои впечатления от итальянской природы, искусства, архитектуры и общего духа различных итальянских городов, воплощенного в понятии «гения места», genius loci.

Печатается по изданию 1914 года.

Для широкого круга читателей.

Издание имеет значительную историческую, художественную или иную культурную ценность и в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под действие указанного Федерального закона не подпадает.

УДК 82-43
ББК 84

Оглавление

Предисловие	6
Genius Loci	9
I. Введение	11
II. Сиена и Симоне Мартини	15
III. Уголь и лед	20
IV. В Пьемонте.....	24
V. Озера Мантуи	28
VI. Юг	32
Очарованные леса	37
I. Очарованные леса	39
II. Пиза и Кампосанто	44
III. Тосканские церкви летом	48
IV. Нимфы и речной бог	51
V. Триент.....	55
VI. Вечнозеленые дубы и анахореты	59
VII. Прогулка в Маремме.....	64
VIII. На Евганиейских холмах	67
IX. Вилла кардинала.....	71
X. Et in Arcadia... ..	75
Дух Рима	81
Лимбо	117
Магия тосканского лета	119
О современном путешествии.....	129
Старые итальянские сады	139
Laurus Nobilis.....	153
Искусство и страна (тосканские заметки)	155
Две новеллы	175
Святой Евдемон и его апельсиновое дерево	177
Свадебный ящик	187

Предисловие

Вайолет Пейджет, выпустившая столько книг под псевдонимом Вернон Ли, принадлежит к тому благороднейшему разряду английских литературных людей, которые установили такую старинную, такую крепкую и нежную связь между Англией и Италией. Исторический энтузиазм англичан перед Италией — явление замечательное, не повторившееся ни в каком другом народе. Под девизом Италии прошла вся английская литература, начиная от воспитавшегося на драматизме итальянской новеллы Шекспира, от подражавшего Ариосто Спенсера. Литературные путешествия англичан в Италию начались еще в эпоху Аддисона и сделались неизбежными для писателей еще во времена Бекфорда. Поэты начала XIX века обещали жить и умереть в Италии, и если беспокойная натура Байрона повлекла его для того за Адриатическое море, то Китс и Шелли так верно и так слишком скоро сдержали свой поэтический обет.

Затем наступила пора более долгой жизни в новом отечестве, Италия сделалась домом Роберта Браунинга и его жены Элизабет Барретт-Браунинг, которая, как говорит надпись на Casa Guidi во Флоренции, «...сковала из своих стихов золотое кольцо, соединившее Англию с Италией». Да! Элизабет Барретт-Браунинг воспела в своих стихах эпопею *Risorgimento* и подвиги Гарибальди с энтузиазмом пламеннейшего итальянского патриота. Сочувствуя освобождению новой Италии, англичане углублялись в Италию историческую. Надо ли говорить о Рёскине, о художниках-прерафаэлитам? Италия внушила лучшие страницы Уолтеру Патеру и вдохновила великолепный труд о Ренессансе Джона Аддингтона Симондса. Для познания итальянского гения во всех его проявлениях, от Джотто до Тьеполо и от Данте до Карло Гоцци, ни одним народом не было сделано столько, сколько англичанами в 60—80-х годах XIX столетия.

В атмосфере этой благороднейшей работы прошла молодость Вернон Ли, и ее первая книга, книга двадцатилетней

девушки, вышедшая в конце 70-х годов, раскрыла новую область итальянского творчества, вернула Италии одну из ее забытых слав — славу ее музыки XVIII века. За «Очерками Италии XVIII века» последовал целый ряд других книг. Составленные из небольших отрывков и этюдов об искусстве, о местах и людях, о жизни, эти книги имеют своей внутренней основной темой Италию. Вернон Ли перестала быть гостьей Италии, она поселилась где-то близ Майяно неподалеку от Флоренции, и ощущение Флоренции вошло в каждую мысль ее мировоззрения; воздух полей Тосканы пронизал все движения ее сердца.

Характерна для англичанки эта беспредельная любовь к Тоскане, к Флоренции. Симпатии французов тяготеют к Венеции, к Риму, Неаполю. Лучшие страницы, написанные об Италии немцами, — это страницы о Риме и Лациуме. Вернон Ли, знавшая Рим с детства, никогда не могла понять его до конца и принять его должным образом. Эта черта, так же как проявляемые ею иногда дидактические и моральные тенденции и социальные заботы, сближает ее с Рёскином. Но Вернон Ли умела пройти легкой поступью там, где был тяжел шаг Рёскина; она скользила там, где он делал этап для своей слишком долгой и слишком громкой проповеди.

Ибо любовь к Флоренции, к этому второму отечеству аттицизма, соответствует у Вернон Ли тонкой грации всех ее душевных движений, отразившейся в ее книгах. Ее мысль иногда трудна, часто прихотлива, кокетлива даже в своей отточенности, но эта мысль всегда светла и жива в глубине, как светлое зеркало, отражающее живой образ Италии. Ряд этих мыслей образует философию светлой и созерцательной души, не столько построенную, сколько подсказанную отрывком старинной музыки, куском изваянного мрамора, пейзажем. В книгах Вернон Ли есть восхождение к мудрости; иногда на страницах этих книг слышится зов некой религии, соединяющей чисто христианское ощущение благодати и бесконечности бытия с трогательным языческим культом малых божеств природы — речных богов, нимф и гения мест.

Такую религию хочется назвать естественной человеческой религией, и какими лаврами могла бы лучше увенчать Вернон Ли Италию, чем свидетельством всех своих книг, что Италия единственное отечество этой естественной религии! Входящий в ее религию такой важной долей культ гения мест мог сложиться, конечно, только в Италии. Только здесь могла воспи-

тать Вернон Ли свой «топографический энтузиазм». Удивительное умение видеть формы и краски выделяет ее даже из ряда английских писателей, вообще весьма счастливо одаренных этою способностью.

Видеть — значит жить для нее, совершать дело творчества. Для нас же необыкновенно утешительно погружаться вслед за ней в стройные ритмы ее видений. Лишенные всякой системы страницы Вернон Ли, быть может, доставляют одно из лучших объяснений Италии. Важность Италии для человечества лучше всего объясняется этим изумительным слиянием с ней, этим самоотверженным в ней растворением благородной и вещей человеческой души.

П. Муратов.

GENIUS LOCI

Saget, Steine, mir an, o sprecht, ihr hohen Paläste!
Straßen, redet ein Wort! Genius, regst du dich nicht?
Röm. Eleg. I.¹

I

Введение

Шел сильный дождь в этот последний день в Вероне, и небо очистилось только к вечеру. Я купила пучок лаванды на память и выпила чашку кофе перед отъездом на пьяцца деи Синьори. Камни были все еще влажны, но небо стало уже ясным. Дождевые облака плыли над башнями, городские голуби клевали зерна на мостовой и влетали в трещины дворцовых стен; ласточки кричали пронзительно, солнце, невидимое за крышами, садилось. Это час, когда при звоне вечерних колоколов гении старых городов выходят наружу и завладевают нашим сердцем.

У некоторых из нас места и местности (я не могу найти достаточно почтительного и нежного названия для них в нынешнем деловом, ограниченном языке) становятся предметом горячего и чрезвычайно интимного чувства. Совершенно независимо от их обитателей и от их писанной истории они действуют на нас, как живые существа, и мы вступаем с ними в самую глубокую и удовлетворяющую нас дружбу. Это может показаться бессмыслицей, если считать дружбу тем, что она, чаще всего, есть, — чисто деловая и, большей частью, случайная связь, где обмен мыслями и добрыми услугами, взаимная помощь и забота и совместное убивание времени играют главную роль. Но есть, несомненно, другие возможности в дружбе, ее настоящая лучшая сторона. И она-то проявляется в нашем отношении к местностям. В самом деле, когда мы хотим выразить величайшее благо, которое могут нам принести человеческие создания, благо, гораздо более ценное, чем всякая практическая помощь и всякое интеллектуальное руководство, — мы совершенно естественно прибегаем тогда к смутным метафорам, заимствованным у этих иных друзей, не имеющих человеческого образа. Мы говорим тогда о нашей очарованности,

¹ Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги!
Улица, слово скажи! Гений, дай весть о себе! (Пер. Н. Вольпин).

о подъеме духа, о счастливом просветлении чувств, о воспоминаниях, которые звучат в нашей душе подобно мелодии и возникают в ней так же, как услышанные однажды мелодии. Все это величайшие дары человеческой привязанности, и, конечно, нас награждает ими в равной, нет, даже в большей мере нечеловеческое существо, которое я называю за неимением лучшего имени и ради прорывающегося во мне желания принести ему какую-то благодарность *Genius Loci*.

Genius Loci. Некое божество, великое ли, малое, смотря по обстоятельствам, и всегда требующее молчаливого поклонения. Но, ради Бога, нисколько не олицетворение: не мужская или женская фигура с короной из городских стен и прочими атрибутами и ненавистной определенной историей, подобная страшным дамам, которые сидят вокруг площади Согласия. Думать о странах и городах в человеческом образе — это, по опыту всех риториков, значит не думать о них вовсе. Нет, нет, *Genius Loci*, подобно всем достойным поклонения божествам, — это сущность нашего сердца и ума, существо духовное. Что же до его видимого воплощения, то оно — сам город, сама местность, как она есть в действительности; черты, речь его — это форма земли, наклон улиц, звуки колоколов или мельниц и больше всего, быть может, особенно выразительное сочетание города и реки, отмеченное Вергилием, «реки, омывающей стены старого города»:

Fluminaque antiquos subterlabentia muros.

Эта строка Вергилия, подобно столь многим строкам Данте, показывает глубокую власть мест над латинской душой. Она естественно заставляет вспомнить Адиге и переносит меня опять к тем одинокими дням в Вероне, когда я много раз следила за водоворотами быстрой красноватой реки и за водяными мельницами, качавшимися на ее поверхности. И это напоминает мне еще, что хотя *Genius Loci* никогда не может быть олицетворен, мы все-таки чувствуем его ближе и сильнее в некоторых отдельных памятниках и чертах пейзажа. Он постоянно присутствует с тем, чтобы глубже проникнуть в наше сердце, на определенном повороте дороги или тропинки, вырытой в склоне холма, откуда открывается вид на высокие и далекие горы, или в церкви, подобной церкви Класе близ Равенны; больше всего, быть может, по течению ручьев или в устьях

рек, привлекающих наши мысли и становящихся целью наших прогулок. Гений места прямо глядит на нас там или, вернее говоря, он и есть само то место.

Я сравнивала чувство, которое мы испытываем к местам, с чувствами, пробуждаемыми в нас иными друзьями — чувствами любви и благодарности, но никак не прозаической привычкой и желанием взаимной будничности. Но как есть или, по крайней мере, должны быть человеческие отношения, которые образуют все содержание жизни и в то же время составляют всю ее поэзию, так есть одно или два места для каждого, где он может жить всегда, никогда не теряя восхищения, удивления и благодарности. Таковы некоторые речные области в Англии, а для пишущей эти строки долины и каменистые склоны Тосканы.

Первообразом всех таких мест является Рим. Его легендарная власть над сердцами не может быть измерена даже теми наиболее преданными его поклонниками, которые стремятся к нему, чтобы насладиться, как праздником, его *Genius Loci*. Нужны месяцы и годы, чтобы действительно оценить, как необычайно все мелочи и заботы обыденной жизни нисколько не умаляют этой власти Рима над сердцами, но подчиняются ей, низводятся до надлежащей незначительности, исчезают в серьезности и ясности Рима и в той уверенности, которую Рим молчаливо внушает, подобно немногим, редким людям, что жизнь, хотя и коротка, заслуживает, однако, того, чтобы прожить ее бережно и изящно.

Но не только об этом исключительном и даже единственном случае я думала, когда заговорила о нашей дружбе с местами, не о любви нерушимой, любви навсегда, но скорее о простых *amours de voyage* (в лучшем смысле слова), где, хотя воспоминания и могут быть долги, по необходимости кратко мгновение встречи.

Незначительное происшествие, соответствующее тому, что в человеческих отношениях составляет прочитанная вместе книжка или подаренный цветок, превращает иногда место из географического пункта в нечто очень свое; так приятности рыбной ловли или охоты для мечтательных людей образуют интимную связь между этими людьми и местностями. Подобным же образом я испытываю как бы чувство данного обета или исполненного религиозного обряда, связывающего меня с определенным местом, оттого что я пила однажды из источ-

ника, бывшего у далекой «кружной» дороги из Субиако в Тиволи, в один мартовский день, когда дорожная пыль поднималась маленькими вихрями. Да, мне кажется иногда, что я не пила тогда, но совершала возлияние или повесила гирлянду в честь Genius Loci...

Но довольно. Думаю, что какое-то неразумное чувство в этом роде возникло у меня после того, как я три или четыре раза подходила к Адигу смотреть на водяные мельницы и что это оно заставило меня купить пучок лаванды на рыночной площади в Вероне, когда садилось солнце, кричали ласточки и колокола возвещали своим звоном явление божества этих мест.

II

Сиена и Симоне Мартини

Есть особый элемент в Средних веках, особенный оттенок в них, который умер, так сказать, не получив исхода, и ничего не оставил последующим векам для развития и усовершенствования. Это то средневековье, которое никогда не может превратиться во что-либо нынешнее. Я была сильно поражена таким оттенком, возвратившись в 12-й раз ранней весной нынешнего года в Сиену. Этот прекрасный город, такой изолированный в кругу дубовых лесов и неплодородных холмов из вулканической глины, накопил всю свою культуру у себя дома, подобно тому как он накапливал в своих водоемах дождевую воду, и, что еще более характерно, выстроился весь сразу, без всякого следа более ранних эпох и лишь с немногими последующими добавлениями, в один определенный момент, как раз перед великой чумой XIV столетия. Его дома построены из отличнейшего красного кирпича, с элегантными арками и стрельчатыми окнами, разделенными колонками, с зубчатыми стенами и башнями, подобными цветам, высоко поднимающимися над долиной. Веселый, простой, и, однако, немного условный, все еще рыцарский и романтический — таков этот город, где, как у Лоренцетти на его большой фреске, девушки могут танцевать на улице и петь *en ronde*, подобно тем девушкам, которых Данте в своем детстве встретил в День Всех святых. Данте — в детстве именно, ибо, мне кажется, что насколько «Божественная комедия» исходит из античности и проходит сквозь современность, уходя в бесконечное будущее, настолько *Vita Nuova* принадлежит всецело одним этим Средним векам, которые, так сказать, умерли в юности и без всякого продолжения, Средним векам красных, зубчатых и многобашенных стен Сиены. Греки и римляне не имели сюда никакого отношения; что же касается до *Vita Nuova*, то она была в конце концов только лучшим цветком средневековой любовной поэзии, мистической и дон-кихотовской в одно и то же время, поэзии всех этих Гви-

ничелли и Кавальканти, всех этих Рюделей, Виталей и Вентаду-ров из Прованса, очаровательных, искусственных и сумасбродных. Это средневековое, представленное Сиеной (Пиза говорит о более ранних, полувизантийских днях, тогда как Флоренция и Венеция со страстью прожили свой век в дни Ренессанса), — это средневековые розовых стен и полосатых башен (совсем таких же прелестно-игрушечных, какие любили изображать старые мастера вплоть до Анджелико) оставило нам и другие превосходные вещи: легенды о Святом Франциске, романтические истории «Декамерона» и самую лучшую из всех повестей, повесть об Окассене и Николетте.

Характерно для этого типичного средневекового искусства то, что его нельзя понять ни в какое другое время года, как только весной. И, может быть, это и есть причина того, что Сиена особенно поразила меня своим вполне средневековым характером на этот раз; я никогда раньше не бывала в ней в апреле. Яркость ранних всходов и нежность первых листьев, цветение плодовых деревьев повсюду на склонах среди городских стен и башен открыли мне благородную и праздничную украшенность средневековья и заставили меня оценить (в первый раз с надлежащей полнотой) особую прелесть местной сиенской живописи, ибо, признаюсь, мне доставляло теперь удовольствие именно то самое обстоятельство, которое заставило современных критиков быть такими беспощадными к сиенской школе — то, что она не привела ни к чему дальнейшему. Со стороны сиенцев было, конечно, детскостью настаивать на своем чисто-средневековом сознании сквозь все Возрождение и упорствовать в изготовлении милых мадонн и набожных святых, наряженных в удивительные, расшитые одеяния и выступающих на удивительных золотых фонах. Недомыслием с их стороны было не пошевелить пальцем, чтобы ускорить пришествие Микеланджело, Леонардо, Тинторетто, Веласкеса и нынешних академиков. Конечно, они обязаны были корпеть над анатомией, перспективой и современными идеями вообще, подобно тому как делали это флорентийцы за 39 миль отсюда, за дубовыми рощами и виноградниками Кианти. Но они как раз не умели или не хотели делать это, и, как я уже сказала, я ужасно рада, что они не умели или не хотели. В искусстве, как и в жизни, есть место для многого, и кроме прогресса, который иногда покупается ценой резкости и угловатости, ценой узости и настойчивого долбления в одну точку, в нем есть от-

дых — очарование возвратной волны. Бедные сиенцы, которые продолжали жить, как и их город, средневековьем, когда Средние века уже давно отошли в прошлое, оставили нам в конце концов картины, отличающиеся изысканной прелестью цвета; в расшитых мантиях, узорчатых нимбах и в красоте и нежности ликов мадонн и ангелов, в благородных, мудрых анахоретах они оставили нам целый сад средневековой юности и грации, цветы которого полны благоухания и очарования для глаз. Будем благодарны им за то, что они сохранили этот сад нетронутым в красных стенах своего уединенного нахолмного города. Мир достаточно обширен, чтобы можно было предоставить разным людям играть по-своему в божественную игру искусства. Разве не могут быть также обширны наши симпатии?

Да, мне не стыдно говорить это: я люблю Сано ди Пьетро и Андреа ди Ванни, Джованни ди Паоло и Джироламо ди Бенвенуто (их сбивчивые имена — самое худшее из их качеств) не только в их больших работах, которые напоминают мне часто «Парсифаля», «Окассена и Николетту» и «Цветочки святого Франциска», но даже в их простоте сердечной и детскости, которая доходит до уровня колыбельной песни: люблю их чудесно-голубые и серые скалы с маленькими эремитами в полосатых одеяниях, играющими в хозяйство игрушечными колодцами и деревянными зверями, их райские сады, где ангелы, и красивые дамы, и молодые щеголи в юбочках и тюбанах, и пышные вельможи, и все бедные, крохотные убиенные младенцы прогуливаются среди лилий в 20 футов высоты и фиалок такой величины, что в них прячутся кролики, и лесной клубники размером в человеческую голову. Все это подходит к Сиене, и я рада, что Сиена подходит к этому.

А теперь я перейду к Симоне Мартини; ибо, если бы Сиена не была точно такой, какова она есть, то есть сосредоточием всего средневекового и неспособной никуда двинуться от средневековья, то она никогда бы не могла произвести этого художника; а без Сиены его не создало бы никакое другое место на земле! Работы Симоне Мартини, увы, более разбросаны по свету и более погублены временем, чем произведения почти всех других великих художников. Его огромная индивидуальность безнадежно растворялась столетиями в апокрифическом Симоне Мемми, от которого, выделив посредственного ученика Симоне — Липпо Мемми, его только недавно отмежевала критическая школа Морелли. Его «Благовещение» — одна из самых

необычных и милых картин в Уффицих; в музее и семинарии Пизы есть несколько маленьких досок со святыми, такими нежными и светлыми, что нет слов выразить это; на стене залы Совета в сиенском Палаццо Публико есть утраченная местами фреска, Богоматерь на троне среди святых и ангелов, которые, кажется, то исчезают, то снова появляются вместе со светом и способностью каждого зрителя вызвать это изменчивое и искушающее видение небесного великолепия.

Но величайшие сохранившиеся произведения этого необыкновенного мастера находятся в Ассизи; и как источники не только относительного исторического интереса, но абсолютного художественного и поэтического наслаждения они вместе с памятью о святом Франциске и склонами рыхлых красных гор составляют то, ради чего мы приезжаем в Ассизи. Странная нижняя церковь святого Франциска дремлет своими провисшими сводами над примечательнейшими произведениями искусства: фресками Джотто и его лучших учеников и немедленных последователей, над пророчествами и обещаниями живописи Возрождения. Но в работах Симоне Мартини — в капелле, расписанной картинами из истории св. Мартина и в венце святых вокруг алтаря — нет никакого пророчества, никакого обещания, а только одно совершенное достижение. Это соединение давней античной утонченности, красоты, возведенной в отвлеченность изысканным и священным Константинополем, роскоши Востока, создавшего персидские эмали и дамаскированную сталь — всех этих угасших или разъединенных элементов, оживленных и сплавленных здесь пламенем рыцарского Запада. Является ли это искусство выражением индивидуального гения или счастливого исторического сплава? Как бы то ни было, мне кажется, что искусство Симоне Мартини — искусство, равнодушное к анатомии, перспективе и объему и совершенно безразлично относившееся также к драматической экспрессии, — принадлежит к разряду искусств, которые можно называть окончательными и совершенными. Оно, мне кажется, соответствует, хотя явилось на свет позже, аристократической искусственной поэзии, утонченной любовной метафизике средневековых трубадуров, неоплатонических мистиков и предшествовавших Данте поэтов. Это, быть может, единственный совершенный цветок подлинного средневековья, выросший накануне возрождения апостольского христианства и возвращения языческого чувства здравого смысла, цветок рыцарско-

го, мистического средневековья Дворов любви и замков Гра-
аля. И даже трудно сказать, так же как и о героях французской
и германской эпопеи, вполне ли европейское это явление или
вполне восточное. Нечто совершенное есть в этом искусстве,
и вместе с тем, хотя это и звучит противоречием, оно являет
преждевременность весны, которая только что родилась из зи-
мы, но которая никогда не превратится в лето.

Все это вполне согласовалось со средневековым городом Си-
еной, когда я увидела в последний раз красные зубцы его стен
и башен над еще сухими виноградниками, над первой зеленой
пшеницей и цветущими вишнями безводных маленьких холмов.